

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ НА «ТЕРРИТОРИИ ДУШИ» (на материале произведений Натальи Батраковой)

Аннотация. В статье анализируется пространственно-временная концепция Натальи Батраковой, выявляется специфика темпоральной и пространственной организации авторского поэтического поля.

Ключевые слова: пространство, время, ментальная универсалия, идиостиль.

Пространство и время как ключевые категории бытия и индивидуально-авторского переосмысления действительности уже в течение многих десятилетий являются предметом особого интереса в лингвистике и литературоведении (Ю.М. Лотман «Заметки о художественном пространстве», В.Н. Топоров «Пространство и текст», А. Вежбицкая «Понимание культур через посредство ключевых слов», Д.А. Салимова, Ю.Ю. Данилова «Время и пространство как категории текста: теория и опыт исследования» и т.д.). И это не случайно, поскольку пространство и время относятся к группе тех лингвистических и ментальных универсалий, которые позволяют охарактеризовать пространственно-временную картину мира в целом и поэтического мира отдельного автора в частности. Кроме того, введение в научный обиход терминов «хрестоп», «континуум», «дисконтинуум», «проспекция», «ретроспекция» способствовало расширению представлений о соотношении и взаимосвязи пространства и времени, определению их роли в организации содержательной ткани художественного произведения.

В современной лингвистической литературе достаточно детально проанализированы пространственно-временные концепции М. Цветаевой, А. Ахматовой, С. Мандельштама, И. Бродского, Я. Купалы. Однако специальных исследований, посвященных выявлению специфики темпоральных и локативных координат поэтического мира современных белорусских поэтов, нет.

Наша статья – это попытка выявить специфику пространственно-временной организации поэтических произведений Натальи Батраковой.

Традиционно художественное время и пространство характеризуются как маркеры концептуально значимой информации текста и идиостиля поэта. Это во многом обусловлено тем, что автор «волен сжимать, расширять, обрывать и вновь продолжать время действия и пространство в угоду заранее ограниченной содержательно-фактуальной информации» [1, с. 87], использовать различные пространственно-временные модели для создания своей поэтической картины мира. Так, для лирического «Я» Н. Батраковой пространственными координатами являются не конкретные предметы объективной действительности, а чувства и эмоции, которые определяют границы «территории души». Сочетание «территория души» становится для поэта

значимым и символичным (не случайно одно из произведений Н. Батраковой носит именно такое название!): это та часть психологического пространства, на которой сосуществуют только МОЕ, ЛИЧНОЕ, РОДНОЕ:

*Я днем и ночью охраняю территорию,
Ту, что очерчена невидимой чертой.*

Пространственные образы в поэзии Н. Батраковой динамичны, а границы художественного пространства коррелируют с эмоциональным состоянием героини: любовь и взаимность раскрывают дверь «территории души», а тоска и неопределенность стараются сделать так, чтобы «дверь затворилась». И тогда

*На кладбище любви почти пустынно.
И лишь кресты, кресты... Им нет числа.*

По мнению героини Н. Батраковой, счастье – это общая «территория души», где происходит единение чувств, мыслей, ощущений:

*Вот и свершилось... И, слившись едино,
Мы создаем наш чарующий мир.*

Но условием для создания этого единого пространства является желание и стремление понять ДРУГОГО, помочь ДРУГОМУ.

1. *Я настроюсь на твою волну,
Разделю с тобой твои тревоги
И причину грусти уловлю.*
2. *Впусти меня... Я на колени
Паду. Я верю, по плечу
Мне оживить тебя любовью,
Согреть усталую душу.*

Именно в такие моменты границы собственной «территории души» раскрываются до такой степени, что лирическое «Я» вырывается в пространство безграничное, чтобы:

*Вдвоем следовать за звездами
Серебряной ночи.*

В минуты отчаяния героиня Н. Батраковой переступает границы своего психологического мира: она либо погружается в бытийное пространство, либо стремится попасть на территорию, не имеющую четких очертаний, «куда-нибудь. / А лучше в никуда». Именно в эти мгновения в роли лексических маркеров пространственных границ выступают такие образы-символы, как *дверь, стена, бурелом* и т.д. Сравните:

1. *Плотно дверь закрывая,
Не поймешь, что со мною.*
2. *Стоит стена, и ей дано нас разделять!
Нельзя перешагнуть, снести, разбить, убрать.*
3. *И хочется рвануть к тебе навстречу,
Но как преодолеть тот бурелом,
Что в беспощадной битве наворочен*

- Житейской завистью чужой, обидой, злом?*
4. *Как бронь, стоит стена между живыми нами,
Не позволяя мне к душе твоей прильнуть.*

В моменты душевного беспокойства героини пространственный уровень пересекается с временным, локативность и темпоральность оказываются в одном ряду:

1. *Увы, твое желанье
Я не смогу исполнить ни сейчас,
Ни в временном далеком расстоянье,
Что непременно разлучит в итоге нас.*
2. *Наша жизнь ускоряет течение.
Заглянув в этот мир параллельный,
Я спешу в свое измерение...*

Время в поэтическом пространстве Н. Батраковой репрезентируется с помощью слов с темпоральной семантикой и аналитических конструкций с метафорической окраской, которые по своему семантическому объему равнозначны лексеме *время*. Ср.:

1. *Мы далеки. С тобой нас разделяет
Многосерийный фильм – мельканье лет:*
2. *Доктор-время был безжалостен,
Долго скальпелем кромсал.
День за днем из моей памяти
По мгновеньям удалял.
А потом воспоминанья
Крепким завязал узлом: ...*
3. *Но годы прошли,
Спит тот вулкан, не тревожит природу,
Камни остыли. Остались следы...*

Вся временная система поэтической картины Н. Батраковой ориентирована на определенные моменты, связанные с прошлым героини, подчинена мигу, который изменил ее жизнь: «*лишь на миг я оглянулась*», «*вмиг влюбилась и разлюбила*», «*мы мысленно сближаемся порою, но лишь на миг*».

Как известно, основным средством формирования темпорального плана повествования являются временные формы глагола. В лирических произведениях Н. Батраковой средством «концентрации времени» являются имена существительные, благодаря которым художественное время словно застывает, замирает в одной пространственно-временной точке, становится некой субстанциальной сущностью:

1. *И вдруг мне подарили ВРЕМЯ –
И не хотелось уезжать!
Я вопреки ВСЕМУ на свете
Пыталась время задержать.*

2. *Как в песочных часах, у времени
Истекает отпущенный срок,
В новогодних хлопотах бешеных
Исчезает последний песок.*

Нередко в роли функционального эквивалента времени выступает память, что способствует усилению психологизма повествования:

1. *Я помню все той душевной ночью:
Свет приглушенный ночника,
Моя растерянность – безмерна,
Твоя решимость – велика.*
2. *Достаточно, чтоб многое понять
И жизнь свою бессонными ночами,
Как читаную книгу, пролистать,
Знакомую до боли, где страницы
Измяты, замусолены до дыр,
Где знаки препинания затерты
И вместо букв идет порой пунктир.*

Таким образом, психологическое пространство и время, являясь особым средством формирования художественного замысла, занимают ключевые позиции в индивидуально-авторской картине мира. В поэзии Н. Батраковой пространственными координатами являются не конкретные предметы объективной действительности, а чувства и эмоции, которые определяют границы «территории души». Специфика же темпоральной организации поэтического поля заключается в том, что для лирического «Я» важен не ход времени, а некий момент, эмоциональный центр временного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р.Гальперин. – 4-е изд. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
2. Батракова, Н.Н. Сто сорок жизненных мгновений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.ws>. – Дата доступа: 06.07.2014.